

АЛЕКСАНДРА
АСТАФЬЕВА

Александра Астафьева
Тот самый гость

«Литнет»

2020

Астафьева А.

Тот самый гость / А. Астафьева — «Литнет», 2020

Спустя два года после гибели любимого, Вера продолжает жить воспоминаниями о прошлом, заперев свои чувства и сердце на замок. С приближением Нового года ее жизнь меняется, когда возле подъезда своего дома девушке встречается чужой заблудившийся пес. Чтобы не быть одной, она принимает решение приютить собаку на время поисков настоящего хозяина. Тем временем на смену одному дежурству приходит другое, и в больницу, где Вера работает медсестрой уже который год, поступает загадочный пациент Олег Гуров. Сможет ли Вера устоять перед чарами привлекательного незнакомца, когда мужчина попытается заполучить не только внимание, но и сердце девушки? Вас ждет: очаровательный четвероногий друг, пациент и медсестра, много снега и шанс на счастье.

© Астафьева А., 2020

© Литнет, 2020

Содержание

Прекрасный незнакомец	5
Ангел	8
Особенный гость	13
Если я не смогу забыть...	16
Долго скучать не придется	20
Отпустить себя	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Прекрасный незнакомец

Привычный сигнал, раздающийся в лифте, оповещает о прибытии на третий этаж хирургического отделения больницы, где я работаю уже пятый год.

Смена закончилась. Пора домой, чтобы отоспаться ночью и вечером следующего дня принять уже новую смену, конец которой настанет быстро, не успеешь оглянуться. А дальше желанный выходной, забытый еще неделей назад планами на весь день.

И снова, здравствуй, больница, с ее работниками и той же атмосферой, дневной суматохой и, если повезет, ночной тишиной; с ее одинаковыми пациентами. Хотя нет, пациенты бывают разными, даже некоторые из них встречаются на улицах города или в метро. Узнают. Здороваются. Все как обычно. Практически ничего не изменилось за эти пять лет, кроме одного.

— Ну что, Верка, как будешь Новый год встречать?

Ира Иванова — младшая медсестра, всегда интересуется моими планами на праздники. Она мечтает вытащить меня куда-нибудь повеселиться, потому что, по ее словам, я живу скучно и однообразно: работа-дом, дом-работа. Ничего удивительного, все так живут.

Ставлю подпись и время об уходе в журнале, снимаю халат и вешаю его в привычном месте. Она тем временем ожидающе сверлит меня взглядом, покручивая ручку между зубами. Беру пуховик и шапку, после чего отвечаю ей давно заготовленный на похожий случай ответ.

— Пост сдан — пост принят, Ира.

— Понятно, — хмыкает она. — На корпоратив хоть пойдешь?

— Не знаю, — я не смотрю на нее, делаю вид, что занята перебиранием шарфа с перчатками. — Мама себя все еще плохо чувствует.

Я как будто оправдываюсь перед Ирой. Ненавижу себя за это. Всякий раз, когда на меня смотрят глазами сострадания, напоминая о том, чего никогда не вернуть.

— Побуду с ней. До корпоратива еще далеко, а до Нового года тем более, — дополняю свой ответ.

— Тебе так кажется. Всего-то чуть меньше месяца осталось до праздника. Время пролетит, не успеешь и глазом моргнуть. Все рестораны и кафешки за два месяца были заняты, но нашим удалось урвать заведение в центре города. Так что, подумай.

— Посмотрим, не могу обещать.

— Просто жалко, совсем не хочется, чтобы в этот день ты была одна или проторчала здесь на работе.

Коллега резко замолкает. Больше всего я ненавижу момент людской жалости. Больно до сих пор, несмотря на то что прошло два года. Но рана никогда не заживет. Все еще кровоточит. А сейчас вдвойне.

— Травмированных будет много, — дополняет она.

— К сожалению, они будут всегда. Ладно, пока, — говорю ей и спешу на выход из сестринской.

Работа является моим любимым делом, но часто становится тошно, когда глазами провожают, а затем обсуждают не мои обновления или прическу, а то, как я мирюсь с невосполнимой потерей, произошедшей в позапрошлом году.

Ненавижу, когда рабочая дневная смена выпадает на грандиозные торжества. Когда большинство по парочкам, а ты одна, и они пытаются познакомить тебя с кем-то новеньким из медперсонала, в конечном счете, случается ни к чему не приводящий глупый одноразовый флирт. Зачем давать надежду другому, когда все еще больно? И заживет ли когда-нибудь рана?

Для меня уже как второй год не существует Нового года, Восьмого марта, ни одного того праздника, который намекает на *его* присутствие. Нет спокойного сна, нет радости, надежды, потому что Глеба больше нет.

— Вера!

Оборачиваюсь и вижу, как Юлька Шемякина направляется ко мне быстрым шагом. Неужели и она заведет пластинку Ивановой без пяти минут назад?

— Что случилось? — подхожу к ней, застегивая пуховик и пряча руки в перчатки.

— Сможешь подменить меня завтра с утра? Мишка приболел, некому с ним посидеть.

Симпатичная высокая брюнетка Юля и, так уж случилось, мать одиночка часто просит меня заменить ее, и я редко отказываю.

Возможно, мне ее жаль ... Не знаю.

— Шла бы ты на больничный, — говорю ей.

— Не могу, в том-то и дело, мне пару деньков достаточно.

— Ладно, только предупреди начальство, чтобы не было как в пошлый раз. Еще и по шапке получили обе.

— Уже предупредила, — она льнет ко мне с объятиями, — Вера, ты чудо. Спасибо огромное, ты же знаешь, больше никто не захочет...

— Все нормально. Сказала, заменю, значит, заменю. Потом день вернешь. Пусть Мишка поправляется.

Подмигнув ей и слегка улыбнувшись, разворачиваюсь, чтобы направиться к выходу, и мой взгляд цепляется за обыкновенную картину каждого дня, вечера и ночи.

На каталке для транспортировки больных везут пациента. Я стараюсь не обращать внимания, не задаваться вопросом, что произошло с пострадавшим, но отчего-то смотрю на его бледное лицо, когда каталка проезжает мимо. Веки его полуоткрыты, губы приоткрываются, как будто больной что-то намеревается сказать, но не суждено. Его увозят, а я, не останавливаясь, уверенным шагом направляюсь к лестнице, ведущей на первый этаж, а дальше — к выходу из больницы.

Как только закрывается за мной дверь, темный вечер и морозный воздух приветливо встречают меня. Пять минут ходьбы, затем минут двадцать на электричке, и я дома.

Погруженная в мысли о том, что придется провести на работе сутки, даю себе установку лечь пораньше спать. Кушетки и диван вовсе неудобные в сестринской, да, порой, бывает, что по ночам в больницах вовсе не до сна. Не знаешь, чего ожидать ночью. Хотя днем бывают свои сюрпризы.

С каждым моим шагом снег уверенно хрустит под ногами, мороз крепчает, покусывая нос и щеки. Подходя к дому, лезу рукой в сумку за ключами, но, как назло, не могу быстро их нашарить. Приходится остановиться возле подъезда и поставить сумочку на покрытую снегом скамейку. Ключи с брелком уже звенят в руках, а под скамейкой кажется какое-то шевеление, а затем слышится собачий скулеж. Немного склонившись, вглядываюсь сквозь крошечную тьму (как всегда, во дворе горит один фонарь, и тот еле-еле) и вижу белую лохматую мордочку с кожаным носом.

Собака так грустно смотрит на меня, забившись под скамью, видимо, нагрела себе место и не хочет выходить, показываться. А на улице холод... Собачий.

— Эй, дружок, — зову его, не ощущая от него опасности. — Ты как здесь очутился. Ты чей?

Я не особо обращала внимание на питомцев здешних жителей двора, большую часть которых лично знала, но чувствовала, что пес этот чужой, и он не выглядел брошенной дворнягой. Скорее заблудился, бедняга, и не знает, куда ему пойти.

— Заходи, — я открываю дверь и приглашаю собаку войти в свою квартиру, как будто он мой гость.

Никогда не разбиралась в породах собак, поскольку никогда не имела их у себя в доме. Всегда моими постояльцами были коты да кошки, а это, скорее всего, потеряшка. У него гладкая шерсть с белым окрасом, висячие ушки в виде треугольников. Интересно, сколько ему месяцев? Собака не выглядит взрослой, скорее, породистый щенок, который трясется от холода. Ничего, сейчас согреется.

Пес охотно входит в дом, как будто находился здесь уже ранее. Он не бродяга, а домашний, и на нем виднеется ошейник, значит, у него есть хозяин.

Что происходит со мной? Я не боюсь его. Он безобидное животное, нуждающееся в тепле и еде. Думаю, покормлю, предложу ночлег, чтобы согреться, ведь на улице так холодно и морозно, что при мысли об этом песике под той скамейкой, нещадно сводит зубы. Не задумываясь, решаю забрать его себе, а на выходных — подать объявление о находке.

— Какая у тебя кличка? — задаю ему вопрос, раздеваясь в прихожей. Знаю ведь, что не ответит.

Собака дальше в комнату не проходит, а крутится возле стула, который стоит возле тумбочки все в той же прихожей. Затем ложится рядом с мебелью.

— Вот ты и нашел себе место, — бросаю шапку и перчатки на полку в коммод и, разувшись, подхожу к псу.

Он поскуливает, но играет кончиком хвоста и смотрит на меня большими грустными глазами, уткнувшись мордочкой в лапы.

— Раз ты ответить мне не можешь, будешь для меня Снежком, — говорю ему с улыбкой, но не рискую погладить.

Просто не уверена, что собака позволит. Вот такой парадокс: впустить в свою квартиру ее я осмелилась, а погладить — боюсь.

— Чем же тебя накормить? — интересуюсь у мохнатого незнакомца, который продолжает лежать на своем месте.

Тем временем я бреду на кухню. В холодильнике нечем похвастаться, да я и не знаю, чем обычно кормят собак.

— Вареная колбаса подойдет? — продолжаю вести диалог с собакой, как с человеком. Она приподнимает голову, как будто понимает, что я обращаюсь к ней. Непривычно. Но, по крайней мере, не кажется, что разговариваю я сама с собой.

Мой бутерброд, который брала на работу, но не съела, собака поглощает в считанные секунды. Поглядывая на часы, принимаю решение сбежать в магазин за углом, наверняка там есть отдел питания для домашних животных. Уже спустя пятнадцать минут насыпаю собачьего корма в миску, которую купила в том же магазине, а рядом ставлю чашу с водой.

— Снежок, иди сюда, покушай, — приглашаю своего гостя, и он долго не думает, вскакивает на лапы и, постукивая коготками по паркету, стремительно подбегает к корму.

Я облегченно вздыхаю, замечая, что собаку не мешало бы помыть. И не только... За ней придется ухаживать: играть, кормить, выгуливать... Что там еще? Стричь?

Думаю, информации в интернете достаточно, что делать с найденным питомцем.

Мне показалось или он немного хромал? Необходимо будет подъехать в ветлечебницу и проверить бедолагу. Делать ли ему прививки, как всем домашним животным? Принимать ли какие-то витамины?

После этой мысли одергиваю себя, понимая, что это не моя собака, не мой пес, не мой питомец. Он потеряшка, и найти его настоящих хозяев нужно как можно скорее.

Ангел

На следующее утро, когда я собираюсь на работу, Снежок охотно провожает меня, гавкнув пару раз и облизнув руки. Со вчерашнего дня мы подружились, я не чувствовала никакой опасности от собаки, пёс был благодарен за ночлег. К сожалению, забирая его себе, я кое-чего не учла. А именно график своей работы. Я буду отсутствовать дома до конца следующего дня, а кто собаку покормит и выпустит на улицу? Хорошо, что у меня есть соседка Люда, та ещё собачница. Уходя, я прошу её насыпать корма для Снежка, и чуть позже выгулять, если собаке это будет необходимо. Но вернётся ли Снежок обратно, если его вот так отпустить? Времени гадать нет, и без пятнадцати восемь, я заменяю Юльку у поста в рабочем настроении.

Десятиминутная конференция с медицинским персоналом перед началом рабочего дня проходит как обычно: в присутствии заведующего и врачей предыдущая смена докладывает о состоянии больных, об их количестве, о вновь прибывших. Ничего особенного, один лишь случай занял наши обсуждения.

Вчера вечером с переломом кисти руки и вывихом коленного сустава поступил некий Олег Гуров, который сейчас находится в «пятой» палате. По словам заведующего нога пациента быстро придет в норму, а для руки необходимо будет время, поскольку конечность прооперирована и требует длительного ухода.

— Вообще он странный.

Уже в сестринской комнате слышу, как Жанна Голубкина, которая, кажется, не очень-то спешит домой после ночного дежурства, обсуждает насущное с процедурной медсестрой.

— Кто странный? — спрашиваю я, не до конца осознавая, что речь идёт все об одном и том же человеке.

— Ну, этот, — она жуёт бублик, запивая его чаем, — Гуров — Жмуров. Видно, важный тип, из обеспеченных. Не удивлюсь, если хам на деле. С четырех утра к нему бегаю в палату. Как не зайду, он постоянно что-то бормочет.

— Бредит? Надо было температуру тела измерить, — говорю ей, пока кручусь возле зеркала, собирая в косу свои длинные светло-русые волосы.

— Измерила, конечно. Я ему обезболивающее ввела. Позже спал как убитый.

— Ой, Жанна, — хихикает процедурная медсестра Ольга, махнув на неё рукой. — Тут, говорят, такой мужик привлекательный, и ты, конечно, не воспользовалась моментом, чтобы оценить его полностью.

— Да ну на тебя, сходи, попробуй, переверни его на живот. Ждать надо, пока рука, нога склеятся.

Девчонки с утра прямо живчики: восклицают, перекикивая друг друга, обсуждают новенького, не скрывая своего любопытства на его счёт. Я же думаю о Снежке, когда поправляю и приглаживаю руками белый халат, который отлично смотрится на моей фигуре. Осталось немного добавить блеска для губ и можно заступать в смену.

— Вот, Верка молодец. Губки накрасила, глазками хлопнула. Давай, там, в пятой палате как раз нужно разведать обстановку, — Жанка в своем репертуаре.

— Что же ты не разведала? — выходит немного грубо, но девушка из простых, гнет свою линию.

— Как это не разведала? Без кольца «поломанный» наш. Лови счастье, пока оно дается в руки, — подмигивает мне, когда встречаемся взглядами.

Голубкина определенно решает быть свахой.

— Кольца перед операцией снимают, тебе ли не знать, — напоминаю ей.

— Давай, давай, — выпроваживает меня жестом руки, — потом нам расскажешь, как все прошло.

— Хорошего дня, девочки, — говорю обеим, стараясь в голосе сохранить веселый настрой, и выхожу из сестринской.

«Пятая» VIP-палата находится в самом конце коридора. Таких палат несколько в нашем отделении, они более комфортабельны и наблюдаются исключительно заведующим отделением хирургии — отличным специалистом в своей области Анатолием Анатольевичем Лукиным. Высокий, широкоплечий мужчина, разменявший не так давно пятый десяток, гордость нашего отделения и просто хороший человек. Его громадную фигуру невозможно не заметить, в данный момент он находится возле поста, листая бумаги. Выражение лица заведующего подсказывает мне, что он намеревается доложить о чем-то серьезном.

— Вера Николаевна, я пока заберу историю болезни пациента Гурова.

— Хорошо, Анатолий Анатольевич.

— Зайдите к нему первым делом, проведите. Я чуть позже загляну. Вчера прооперировали кисть руки с помощью проводниковой анестезии. Ночью спал, ни на что не жаловался, но провести его стоит.

Согласно киваю головой. Слышала об этом пациенте уже с самого утра.

— Перелом луча? — спрашиваю доктора, хотя знаю ответ, его травмы обсуждались ранее.

— Да, скрепили кость имплантом. С вывихом проще: подколенная артерия в порядке, как таковых сосудистых повреждений нет. У него также травма лица, ушиб носа. Он не сломан, но болевые ощущения могут присутствовать. Внутренние органы в порядке.

— И где же это его так?

— Сбили на трассе за городом. Повезло, что уцелел. Прошлым днем метель была жуткая. Похоже, сам виновный в происшествии водитель автомобиля вызвал «скорую». Только непонятно, как произошел инцидент, но в этом уже разберутся следователи. Кстати, дадите мне знать, когда они появятся.

— Хорошо.

— Скоро верну, — указывает на историю болезни в своих руках, и развернувшись, удаляется по коридору в ординаторскую.

Дверь одностойной палаты, в которой находится пациент Гуров, закрывается за мной с лёгким щелчком. Обстановка здесь отличается от остальных больничных палат. Она кажется более просторной и комфортабельной. Помимо недавнего косметического ремонта, здесь новый холодильник и плазменный телевизор, закрепленный на стене, больничная кровать широкая и матрас мягче.

Войдя в помещение, бросаю взгляд на больного. Он лежит на кровати: его рука и нога в гипсе, на носу гематома. Подхожу ближе, вижу, что мужчина спит. Пока не решаюсь его будить.

Бледное лицо обрамляют темные волнистые и густые волосы, мой взгляд ползет по выразительным скулам и останавливается на пухлых искусанных губах. Я узнаю в нем того самого человека, которого вчера доставили на транспортировке, когда я спешила домой. Вот, значит, как. Сбила машина. Я продолжаю изучать мужчину. Его грудь поднимается и опускается в спокойном ритме, но лицо искажено болью, пора бы ввести ему обезболивающее, и мучения оставили бы его на какое-то время.

Стараюсь бесшумно расположить на тумбочке поднос с лекарствами и инструментами, но у меня это плохо получается. Приспособления звенят, и, обернувшись, я замечаю, что пациент лежит с открытыми глазами и смотрит прямо на меня.

— Вы ангел? — выходит у мужчины немного хрипло после некоторой паузы.

Не говоря ему ни слова, я отдираю с его носа приклеенный пластырь, открываю рану, чтобы обработать её. Не думаю, что сейчас он в том сознании, чтобы чувствовать и понимать что-либо. Поэтому не придаю особого значения его словам. Слегка улыбаюсь, ловя на себе его взгляд красивых глаз цвета лазури. Они настолько светло-голубые, что... дух захватывает. Никогда не встречала подобный оттенок, и ресницы такие пушистые — позавидовала бы любая девушка.

— Доброе утро. Нет, я всего лишь ваша лечащая медсестра, — все же отвечаю ему, чувствуя, как он с интересом разглядывает меня.

Я продолжаю склоняться над ним и обрабатывать ранку на носу, а затем под пристальным взглядом пациента копошусь с холодным компрессом для больного.

— Нет, это неправда, — говорит мужчина вновь, не сводя с меня глаз.

— Почему вы так решили? — спрашиваю его, аккуратно прикладывая к лицу обернутый полотенцем лед.

Я всегда поддерживаю разговор с пациентами. Должна быть приветливой, отзывчивой, являться хорошим психологом на момент его болезни. Я многое слышала о себе, но то, что кажусь кому-то ангелом — никогда.

— Это же очевидно, — отвечает он мне, улыбаясь краешками губ. — От вас исходит свечение, подобно божеству, и моя судьба теперь находится в ваших руках.

Гуров немного кривится в лице, намереваясь пошевелиться.

— Перестаньте проявлять геройство, я же вижу, что вам больно.

— Мне уже легче.

— Не думаю. У вас два перелома, травма носа...

— Прикосновения ваших рук исцеляют.

— Лежите смирно, — делаю замечание, когда он хочет приподняться. — Заботиться о пациентах этой больницы — моя работа.

— Значит, мне повезло, что я оказался здесь.

— Лучше бы вы здесь никогда не оказывались.

— Тогда я бы умер и не увидел своего ангела. Или увидел? — морщит лоб, запутавшись в своих предположениях. — Может, я уже умер?

— Вы живы, будьте уверены.

Все же нахожу вразумительный ответ и беру его здоровую левую руку, чтобы измерить давление.

— Если это так, значит, я просто обязан бросить вызов мелькающей печали в ваших глазах. Там ей не место.

— И что, по-вашему, должно отражаться в моем взгляде?..

— Необыкновенное счастье.

Должна сказать, я никогда так не теряюсь в своих ответах в общении с пациентами, как перед ним. Он заставляет меня нервничать под одним своим взглядом. Я даже не знаю: хорошо мне от этого или плохо. Внутренне злюсь на свою реакцию из-за слов Гурова, которые проникают в меня, странным образом задевая нечто внутри...

— Что-то не так? — спрашивает он.

— Давление в норме, только пульс учащен.

— Первое знакомство с вами. По-другому, никак, — говорит пациент с вымученной улыбкой на губах.

— Позвольте, измерить температуру вашего тела, — прошу его спокойно несмотря на то, что внутри все клоочет от близости с этим человеком.

Он поддается моим манипуляциям над его здоровой рукой, я прикладываю градусник.

— У меня нет температуры, — уверенно внушает приятный мужской голос.

— Сейчас узнаем.

Стараюсь отчужденно и механично отвечать пациенту, убирая холодный компресс с ушибленного места на его лице.

Непроизвольно он издает стон, но тут же замолкает.

— Представляю, насколько вам больно. Потерпите, и я введу обезболивающее.

— Все нормально, заживёт, — Гуров страдальчески облизывает губы.

— К сожалению, во время происшествия вы получили серьёзные травмы, поэтому отрицать, что вам сейчас легче всего, это глупо.

— Не так больно, как вам кажется.

— По десятибалльной шкале, оцените порог боли.

— Семь, — не задумываясь, отвечает он.

— Вот, видите? А говорили, не больно.

— Терпимо.

Неотступный пациент.

Температура его тела в норме, поэтому не заставляю его долго страдать, ввожу обезболивающее средство с помощью ранее установленного катетера в локтевом изгибе здоровой руки, и больной немного расслабляется.

Вот и отлично.

— Вам нужен покой, — говорю ему, собирая на подносе все принесенные с собой средства и инструменты.

На удивление, он ничего не отвечает, тем самым давая мне уйти без лишних разговоров. Но перед тем, как выскочить из палаты, кладу рядом с его левой рукой пульт на случай, если ему понадобится вызов помощи.

Я облегченно вздыхаю, когда закрываю за собой дверь, направляюсь к посту, за которым находится медсестра Оля. Та самая утренняя собеседница Жанки Голубкиной.

— Ну и? Заценила красавчика? — спрашивает она.

— Обыкновенный пациент, получивший травмы. Давление в норме, температура тела тоже. Обезболивающее введено для дальнейшего его покоя. Чуть позже возьмешь кровь на анализ.

Я обхожу её и направляюсь к шкафчику, чтоб разложить по местам средства, находящиеся на подносе. Гремлю ими, делаю вид, что не собираюсь обсуждать с ней этого пациента, но понимаю, Оля слишком любопытна, чтобы оставить меня в покое.

— Германова, — обращается она ко мне по фамилии, пока я мою руки с мылом в небольшой раковине. — Не будь вредной. Я просто спросила.

— Я просто ответила, Оль. Зайдешь к нему — сама заценишь. Но позже. Ему необходим покой. А мне нужно обойти ещё несколько палат.

— Да я не к тому, что...

— А к чему? — не выдерживаю, подхожу к ней ближе, держа полотенце в руках. — Человека машина сбила, могла и насмерть, а вам бы с Жанкой повеселиться. Заделались свахами!

Олька хлопает глазами, не ожидая услышать от меня упреки в свою сторону, я же вся завелась, сама не понимая почему.

Мне бы не обращать внимания на все, что происходит помимо работы, но по какой-то причине не могу. Пока я думаю об этом, а Оля молча переваривает мои слова, сигнал о помощи срабатывает из пятой палаты.

Непродолжительное время я смотрю на загорающуюся кнопку с номером пять, расположенную на сигнальной системе наблюдения за больными. Не раздумывая, надеваю перчатки и мчусь в палату, откуда пациент Олег Гуров меня вызывает.

— Что случилось? — выходит обеспокоенно, пока я осматриваю его беглым взглядом.

— Я...

Он тянет с ответом, а я подхожу к нему ближе и прикасаюсь рукой к его лбу.

— Я просто хотел убедиться, что вы на самом деле существуете.

Особенный гость

Вернувшись домой, я просто валюсь с ног. Не смена, а какой-то ужас. Множество поступивших, у которых непростые случаи. А еще Гуров с липким интересом чего стоит. Пришлось попросить медбрата Игоря, чтобы тот помог требующему внимания пациенту. Но нет же. Ему нужна была я. Напоследок, я не выдержала, и Олег Викторович, ощутив на себе прелести моего гнева, перестал дёргать по мелочам и уснул... Наверное. Так-то было лучше. В его положении необходимо спать, а не вызывать медсестру для разговоров по душам.

Необходимо срочно брать отгулы, которые скопились за весь год. Правильно, говорит мама: не отдыхаю совсем, постоянно работаю на износ. Ради чего? Ради того, чтобы потом таблетки себе покупать на старость лет.

А Снежок? Господи, убежал, небось. Люда не видела его со вчерашнего вечера. Я даже собаку не могу доглядеть, не то, чтобы о себе заботиться.

Я забегаю в подъезд по ступенькам до второго этажа и вижу свернувшегося на коврик Снежка возле входной двери своей квартиры. Слава Богу, он здесь. Не убежал и живой.

При виде меня, собака вскакивает на лапы и активно виляет хвостом, облизывая мои протянутые к ней руки.

— Снежок, милый, — я глажу его шерстку впервые, и ему это нравится.

Он гавкает в ответ пару раз, а затем, поскуливая, скачет вокруг меня, когда я лезу рукой в сумку за ключами.

— Идём, мой хороший, домой, — говорю ему, отпирая входную дверь.

— Ты бы псину свою держала в квартире, а не на лестничной клетке, Вера, — слышу ворчливый голос соседки бабы Нины. — Тут старики и дети ходят. Не дай бог нагадит или напугает, я пожалуюсь.

Конечно, её забыла спросить.

— Не нагадит и не напугает, — впервые отвечаю ей резким тоном. Обычно я себе не позволяю грубить, но сегодня не тот случай. За весь день успело всё достать. — Эта собака будет разумнее некоторых жильцов, которых просишь не курить в подъезде и не разбрасывать окурки. Да, Баба Нина?

— Что ты сказала, негодяйка? — нечто подобное пробурчала старуха.

— Что слышали, — с легкостью отвечаю ей и закрываю дверь.

Ох, эти глаза, выпученные из орбит. И страшно, и смешно. Не ожидала, видимо, бабулька с сигарой во рту такого моего ответа.

Пес даже немного подпрыгивает, хвост которого продолжает вилять активно, — настолько игриво встречает меня, заставляя радоваться нашей встрече в ответ.

— Люда, привет, Снежок нашелся, — оповещаю соседку, когда та отвечает на мой звонок.

Телефон приложен плечом к уху, пока я прохожу на кухню в поисках съестного для собаки.

— В смысле, нашёлся? Его хозяин обнаружился? — спрашивает она, чем напоминает о том, что я должна сделать в ближайшие дни.

— Да нет. В смысле, нашёлся, ты ведь звонила, говорила, что отпустила гулять, а он не вернулся. Лежал на коврике под моей дверью, когда я пришла домой.

Мою грудь наполняет радость, совершенно забываю о том, что после смены я дико устала.

Мы с Людой разговариваем по телефону ещё пять минут, и после я кормлю Снежка. Собака охотно ласкает, издавая специфические звуки, а я, присев на табуретку, наблюдаю за ней.

Лабрадор, значит.

Люда, как только его увидела, назвала породу пса. Вчера ночью, пока выдалась свободная минутка я вбила в поисковике название этой породы, прочла рекомендации и специфику обращения с собакой, какие могут быть у нее болезни. Там было достаточно много информации по уходу за домашним животным. Оказывается, это идеальный питомец для большой и полноценной семьи. И, как жаль, что я не в состоянии ему предложить это, кроме своей компании.

И надо же было ему увязаться за мной? Снежок очень умный пёс, несмотря на то, что ещё не совсем взрослая собака. Люда предположила, что ему месяцев шесть-семь, и конечно же, необходимо как можно быстрее найти его настоящего хозяина.

— Пора в ванную комнату? — спрашиваю я, когда Снежок подходит ко мне. Облизываясь, он кладёт мордочку на колени, словно напрашивается на ласку. Я глажу его по шерстке, приговаривая, какой же он умный пес.

Огромные собачьи глаза заглядывают в мои, как будто ищут там что-то. Поначалу они грустные и печальные. Но потом, когда он громко лает в ответ, в его глазах загорается огонек.

— Ты, наверное, хочешь играть, а у меня даже никакой игрушки для тебя нет.

Он опять лает, и, вытянув язык, как будто улыбается.

— Тогда идем купаться. Только нужно, чтобы ты мне помог. Завтра после посещения ветеринарного врача погуляем в парке, договорились?

Ещё один собачий лай, как будто пёс радостно и утвердительно отвечает на мой вопрос. Вспоминаю, что мама писала смс, просила позвонить ей. Я тут же хватаю телефон со стола и набираю её, а тем временем пёсик, чувствуя себя как дома, проходит дальше коридора в комнаты.

— Але, мам, привет! Прости, что долго не звонила...

— Верочка, ничего страшного, детка, — перебивает она, хочет спросить о самом главном, пока не забыла. — У тебя все хорошо?

— Да, — отвечаю ей, открывая дверь в ванную комнату.

Движением руки указываю Снежку, давая понять, чтобы он запрыгивал в саму ванну. Собака немного мнетя, поскуливая. Поди, привык к условиям жизни своего хозяина или хозяйки. Чем больше я думаю о последнем, тем быстрее сокращается мое сердце.

— Не бойся, мой хороший, — подгоняю его.

— Вера? — слышу мамин голос.

— Да, мам, я тут.

— Ты не одна?

— У меня гость, — говорю ей с улыбкой в голосе. — Особенный.

Снежок чувствует, что речь идёт о нем и тут же громко лает, становясь передними лапами на край ванны.

— Я надеюсь, он – мужчина?

— Можно и так сказать.

— Это же замечательно, дорогая! — радостно восклицает она. — Наконец-то, ты не одна, хотя бы сегодня.

— Мам, я включу громкую связь, погоди, — нажимаю на соответствующую кнопку и кладу телефон на поверхность стиральной машины. — Давай, Снежок, поднапрягись.

Кое-как помогаю ему поместиться в ванную, затем открываю напор тёплой воды, чтобы для начала намылить красавца.

— Вера, мне как-то неудобно. Ты не одна, и на громкой связи со мной. Я позвоню позже, когда...

— Всё нормально, я с собакой.

Снежок приветственно гавкает.

— С собакой? — судя по голосу мамы, она слишком удивлена.

— Да, — руками намыливаю собачью белую шёрстку, почесывая подушками пальцев. Он с удовольствием подставляет свою мордочку. — Пес прибился к нашему дому. Весь холодный, голодный... Стало жаль его.

— Вера, — мама вздыхает, но я как будто не слушаю её, продолжаю говорить.

— Он нуждался в помощи. Я взяла его, и теперь он живёт у меня, но это временно.

— Почему? — кажется, мама положительно воспринимает данную ситуацию.

— Это породистый пёс. Лабрадор. У него однозначно есть хозяин, такие собаки просто так не оказываются на улице.

— Потерялся?

— Скорее всего.

— А я уже понадеялась, что у тебя появился мужчина.

Слышно только, как шумно льется вода, пока мы со Снежком замолкаем, готовые слушать мамин диалог. Но, как ни странно, и мама молчит. Ждёт, наверное, что я отвечу. Все её разговоры по поводу меня и новых отношений, которых не жду, заканчивались моим: «ладно я перезвоню, сейчас занята». Знаю, что мама желает своей дочери счастья и только, но... Я не могу. Глеб продолжает прочно жить в моих воспоминаниях.

— Доченька, я переживаю за тебя, ты же знаешь.

— Знаю, — хрипло отвечаю ей, пока ее голос продолжает доносить из телефона, как каждую ночь и каждое утро она молится за меня. От всего сердца мама желает встречу с тем самым мужчиной, с которым я могла бы ощутить себя вновь счастливой.

— Глеба не вернуть. Мне очень жаль, девочка моя, но перестань себя хоронить вместе с ним. У тебя вся жизнь впереди и не какая-нибудь, а самая лучшая. Настродалась вдоволь, теперь и счастьем должна быть открыта дверь. Собака прибилась — примета хорошая. Значит, быть новому другу.

Продолжая молчаливо слушать ее слова, слезы напрашиваются без приглашения. Руками механично глажу собаку, которая тихонько поскуливает, глядя на меня. Мама первая завершает вызов и желает мне спокойной ночи. Я отвечаю ей тем же, но она уже не слышит. Отключилась. Я тоже: смотрю в одну точку, и слезы текут по щекам, тихонько друг за другом, с лица в ванную, наполненной водой, где крутится и виляет хвостом белый пес. Он не дает надолго погрузиться в молчаливую печаль.

— Снежок! — восклицаю от неожиданности и тут же смеюсь, когда мыльные брызги ударяют мне в лицо. Мокрый пес знатно стряхивает с себя лишнюю пену, распространяя капли воды по всему кафелю. Видимо, спать я лягу не раньше, чем часа через два. Придётся за ним убирать.

Вот шкодник!

Если я не смогу забыть...

Выходные пролетают незаметно.

Не могу сказать, что я отдохнула, зато отвлеклась, поскольку хлопоты теперь иные и приятные. Их создает Снежок.

Его присутствие все меняет в моей жизни, держит в приятном тонусе и тело, и настроение; добавляет волшебных красок в атмосферу наступающего Нового года. На дворе десятое декабря, но праздник не ждет, а заглядывает в каждый уголок улицы. Он стучится во все двери домов, магазинов, торговых центров и других зданий; напрашивается в гости в виде украшенной елки, с переливающимися гирляндами и разноцветной мишурой, белоснежного декора камина или его имитации. Гирлянды развешаны повсюду, кругом в прямом смысле слова «все горит». И как? Очень красиво. Наверно, впервые после случившейся трагедии с Глебом думаю об этом; о том, что меня окружает и продолжает окружать прекрасное. О том, что жизнь не стоит на месте, она всегда движется и со временем заставляет двигаться тебя, несмотря на горечь потери. Быть может, вот оно: пришло время все отпустить и наслаждаться хотя бы таким замечательным явлением природы как зима? Весь город и его жизнь пропитана зимним праздником, да и сама пора в этом году выдалась настоящей: со снегом пушистым, морозцем, щиплющим носы и щеки. Ощущаешь все это, когда в яркий солнечный день гуляешь с собакой или бродишь по парку в переливающийся разноцветными огоньками темный вечер. Кругом все пестрит, искрится. Эти дни я выгуливаю собаку в сквере недалеко от дома. Поводок так и не приобрела, к тому же Снежок не намерен убегать от меня, наоборот, находится рядом, а если умчится на далекое расстояние, то останавливается и ждет меня.

В очередной раз я откладываю поиски настоящего хозяина Снежка. Этот вопрос остается все еще открытым. А совесть поедает меня изнутри. За несколько дней я прикипела к этому псу. Как будто всю жизнь он был моим верным другом, а я — его преданной хозяйкой. Но всякий раз, при виде Снежка, понимаю, что долго отвергать подобный факт не стоит, поскольку, все хорошее когда-нибудь заканчивается.

Сегодня я пробуду на работе до вечера, поэтому оставляю Снежку две миски с едой и водой, чтобы он не был голодным. Пёс очень разумный, и я не переживаю за него. Вчера знакомый ветеринар осмотрел его, ничего не обнаружил подозрительного, единственное, я и раньше замечала, как пес прихрамывает на одну лапку. Ветеринар также обратил внимание и сделал снимок. Чуть позже констатировал ушиб. Лапку пришлось плотно перевязать бинтом и запретить на какое-то время прыжки с бегом, чтобы не нагружать ее. Я не в состоянии контролировать активность собаки, пока нахожусь на работе. И это еще одна причина, по которой необходимо дать объявление о находке.

Всякий раз, когда я вижу перебинтованную его конечность, я вспоминаю о пациенте Гурове и его руке. Мысленно провожу параллель: все же, последнему досталось больше.

Жалко двоих. И пса, и мужчину: одного за то, что потерял дом, когда второй и вовсе мог потерять жизнь.

— Неужели, это вы?

Голос Гурова кажется таким знакомым и будоражащим, что щемит в области сердца. А ведь ещё пару дней назад, я готова была наругать за его проявленный ко мне интерес.

Зайдя в его палату, я наблюдаю мужчину в сидячем положении на кровати с приподнятой спинкой. Он осматривает меня, когда протягиваю ему градусник. Его глаза все такие же яркие и светлые, тёмные волосы выются на концах, чёлка игриво спадает на лоб, из-под которой смотрят на меня все тот же голубой взгляд. Больничная одежда пациента — белого цвета футболка и такие же штаны — выделяет смуглый тон его кожи, что очень удивительно, сейчас

ведь зима. Либо он только что вернулся из далеких тропических стран, либо, таков его натуральный оттенок.

— Это я. Вы ожидали увидеть кого-то другого? — отвечаю ему запоздало.

Мысленно даю себе оплеуху, поскольку позволила вытарашиться на него, и Гуров это заметил.

— Кого-то другого я видел вчера и позавчера. И должен сказать, это были не вы.

— Какая жалость, — подыгрываю ему. — Или счастье?

— Счастье свершилось. Сегодня я вижу вас и от этого чудесно на душе, — сердцеedList улыбается белозубой улыбкой.

Принимая градусник, он кладёт его на тумбочку рядом с кроватью. Зачарованно наблюдаю за движущейся рукой, отмечаю широкую ладонь и крепкое предплечье. Его здоровая рука кажется сильной и привлекательной. Не воображала себе, что обыкновенные мужские руки могут заинтересовать наряду со смуглой кожей.

— О чем вы думаете? — вопросы моего пациента определенно распространяют вибрации по телу.

— О том, что вам необходимо измерить температуру, — даю ему понять, по какой причине пришла сюда.

— Все нормально. Я ни разу не лихорадил, как очутился здесь.

— Тогда измерите чуть позже, у меня нет времени ждать, вы не единственный пациент в отделении этой больницы.

Я слишком дезориентирована, и по привычке проявляю холодность по отношению к нему, но, кажется, Гурова мало интересует мой тон и мое настроение.

— Как вы себя чувствуете? — все же стараюсь вести себя более приветливо, и в моей компетенции поинтересоваться вначале о здоровье, а не поддаваться бесполезным дискуссиям.

— Немного лучше.

Я подхожу ближе и присаживаюсь на стул, который стоит рядом с кроватью больного.

— Боли в руке?

— Приемлемые.

— Нога?

— Айболит сказал, обыкновенная царапина, но вот пригласить вас на танец у меня пока не выйдет.

Я останавливаю на нем взгляд, и мужчина громко сглатывает.

Танцевать со мной ему уж точно не придется. Неделя-другая, и Гурова выпишут, как всех пациентов с переломами до него. У заведующего отделением к нему особенный подход и внимание, я пытаюсь не отставать, хотя, зачем мне это нужно?

— Может быть, вас что-то беспокоит?

— Вы, — ни капли не задумываясь, отвечает он. — Вы беспокоите меня.

Я резко вскакиваю со стула, он продолжает наблюдать за мной и ждать реакции на свои слова.

Сработало. Поздравляю.

В какой-то степени я зла на пациента. Зачем он так говорит? Чего он добивается, и что ему нужно от меня?

— Олег Викторович, давайте договоримся о соблюдении приемлемой дистанции в общении пациент-медсестра, без перехода на личный интерес и затрагивания тем индивидуального характера. Вы здесь, чтобы лечиться, я здесь — чтобы лечить вас. Вы выполняете все назначения Анатолия Анатольевича, я же вам в этом помогаю. Чем быстрее вы оправитесь от случившегося с вами, тем быстрее выпишитесь отсюда, вернетесь домой, и забудете все как страшный сон.

Моё дыхание частое, сердце стучит, ударяясь о ребра, отдаваясь пульсом в горле и висках. Барабанит настолько громко, что, уверена, самому Гурову слышно.

Не помню, чтобы кто-то заставлял меня нервничать и злиться на саму себя за то, что не в состоянии игнорировать подобного рода флирт или... не знаю даже, как это назвать.

— А если... — нарушив тишину, мужчина решается продолжить наш диалог. — А если я не смогу забыть...

— Тогда, будьте готовы, через десять минут вас доставят на УЗИ и процедуры, — отчетливо проговариваю, сбегаю от Гурова. — Отдыхайте.

В коридоре за дверью его палаты я прислоняюсь к стене и буквально сползаю по ней, поскольку от волнения ноги не держат.

Да, он привлекателен и пользуется своими прекрасными внешними данными. Однозначно подруг у Гурова столько, что и не сосчитать. Но моя работа — это далеко не то место, где позволено вести себя подобающим образом и пудрить мне мозги.

— Чего это ты румяная такая, температуришь? — пересекаюсь в коридоре с Олей из процедуры. Ее глаза игриво сверкают, глядя на меня.

Она видела, как я вышла из вип-палаты и теперь будет жужжать повсюду назойливой мухой.

— Давление, — всего-то отвечаю ей, намереваясь пройти мимо.

— Мы тут кое-что услышали, пока ты была на выходных, — все же тормозит меня, приговаривая шепотом. — Олега сбили умышленно.

Ах, Олега.

Смотрю, здесь много, чего произошло, пока меня не было. Я недовольно скрещиваю руки на груди, но все-таки интересуюсь.

— И кто? Почему?

— Ты-то и узнаешь, — откровенно смеётся Литвиненко.

Она опять за свое. Не дай бог мне закатить глаза к потолку и цокнуть языком.

— Я помогаю ему в лечении, а в ваших с Жанной авантюрах не участвую, — пытаюсь не раздражаться при ней, но у меня едва получается.

— Германова, ты к нему чаще заходишь, чем в сестринскую, давай откровенно...

— Что? Не поняла? — отвожу ее за локоть в сторону.

Я на самом деле не понимаю, что за бред Литвиненко несёт. Какой, чаще? Один раз за сегодня зашла. Ладно, два. Первый раз — он ещё спал, тогда я решила провести больного позже.

— Знала бы ты, сколько раз он спрашивал о тебе, пока ты была на выходных, — зачем-то продолжает она шёпотом щекотать мои и без того расшатанные нервные клетки.

— Сколько? — черт дёргает меня за язык переспросить.

— За все время я была у него в палате раз шесть...

Зачем так много?

— И каждый раз он спрашивал о тебе. Когда твоя смена и все такое. Ты явно ему нравишься, Вера. Тебе-то он сможет открыться.

— Детский сад, — уж не выдерживаю, не зная, что ответить на её предположения.

— Не детский сад. Влюблен наш Гуров, это видно невооружённым глазом. Никто из пациентов не интересовался тобой так, как он.

— В следующий раз, как будешь заходить к нему, передай: больница — это не место для... свиданий и тем более влюбленности, — говорю ей, собираясь заканчивать тему Гурова и его чувств.

— Эх, Верка, Верка...

Оля машет на меня рукой, дескать, все со мной понятно, а я разворачиваюсь и быстрым шагом иду на пост, пока она не попыталась вдогонку еще чего добавить.

Влюблен, надо же!

А вот и Анатолий Анатольевич идёт навстречу, поэтому Литвиненко умолкает и направляется к рабочему месту, в процедурный кабинет. Там ей и место.

— Вера Николаевна, — обращается заведующий, подходя к посту. — Отлично выглядите.

— Благодарю вас, Анатолий Анатольевич, просто выпалась и полна сил.

— Сегодня силы вам определенно пригодятся. Возможно, придётся повозиться с больными дольше обычного.

Да я всегда вожусь. В нашем отделении по-другому не получается.

Правда, этого я не говорю вслух, лишь киваю головой в знак согласия.

— Что нужно сделать? — спрашиваю его и вижу в руках хирурга историю болезни Гурова.

Только не он. Опять?

— Я вас попрошу лично уделить внимание одному нами всеми известному пациенту, — говорит загадочным тоном заведующий Лукин, облокачиваясь на стойку, огораживающую медицинский пост. — Олегу Викторовичу назначены процедуры и УЗИ коленного сустава, дабышний раз убедиться, что с ногой все в порядке.

Все это успела прочесть ещё с утра в его истории болезни, кроме того, что должна буду сопровождать больного лично. По крайней мере, так я расцениваю слова начальника: «уделить внимание». Лукин не просит, он приказывает, как можно чаще приглядывать за пациентом из «пятой» палаты.

— А как же остальные больные?

Если я постоянно буду нянчиться с Гуровым, то другие мои десять пациентов останутся и вовсе без внимания.

— Медбрат Давыдов сегодня вам в помощь.

— Не лучше ли, что бы Давыдов помогал пациенту, требующему той самой помощи все двадцать четыре часа в сутки?

Анатолий Анатольевич отвечает спустя определённую паузу, а я прикусываю язык — не удержалась от возражений.

— Не лучше. Ни на кого другого я не могу положиться, Вера Николаевна. Сколько раз я говорил вам, что вы специалист ответственный, заслуживаете более высокого к себе внимания и соответствующего положения в нашей больнице.

— Спасибо, конечно, но...

— И никаких "но". Мне все ещё нужна толковая старшая медсестра. Подумайте об этом.

Задерживая взгляд на начальнике, я провожаю его статную фигуру, движущуюся по коридору. Чуть позже, когда он исчезает из виду, мой взор натывается на историю болезни Олега Викторовича Гурова. В который раз я беру документ в руки, но впервые интересуюсь данными пациента, отображенными на первой странице. Что же вы за фрукт такой, Олег Викторович, и почему столько шума вокруг вас?

Долго скучать не придется

Итак, Олег Викторович Гуров, возраст: тридцать пять лет. Родился 1-ого января 1985 года...

Надо же, в самый Новый год.

Мой указательный палец скользит по медицинскому документу, знакомясь далее с информацией о больном. Я должна была поинтересоваться его данными раньше, но работы всегда достаточно, что порой пропускаешь сей факт, лишь уделяя внимание листу назначений. Читаю дальше...

Место работы и должность: адвокат в такой-то компании с юридическим профилем и адвокатском бюро.

Жаль, история болезни не предполагает подробного описания профессиональной деятельности пациента. Но слово «адвокат» определённо отвечает на множество моих вопросов. Дальше — место жительства... О-па, а живёт-то он и работает не в этой местности, а в соседнем городе за сто пятьдесят километров отсюда. Не так далеко. А обнаружен? В посёлке таком-то. И кем? Здесь не написано.

Я откладываю его историю, и прикусив нижнюю губу задумчиво анализирую все прочитанное. В принципе, ничего особенного. Частенько за пределами нашего города случаются транспортные происшествия: аварии, или сбивают кого, как будто самое проклятое место. Вот и Гурову не повезло. А поскольку адвокат он хваленый, то тут все ясно, зачем и для чего нужны перед ним танцы с бубном. И как-то странно, никто не посещал его из родственников. Обычно спустя час после поступления, родные обивают пороги в отделении. Или все же кто-то приезжал?

Вновь копошусь в истории болезни, находя там на тот самый ужасный случай номер телефона с пометкой «приятель»: Константинов Сергей Александрович. Жаль, что звонок телефона отвлекает меня от расследования по делу Гурова и все, что с ним связано, иначе могла бы найти некоторую информацию.

— Отделение, — отвечаю я, подняв трубку.

— Девочки, ну мы ждём же, — слышу недовольный женский голос по другую сторону связи. — Пациент с фамилией Гуров записан на девять утра на УЗИ. Есть пометка «привезут». Вы где там?

Твою ж...! Я гляжу на огромный циферблат часов, установленных на стене, и отвечаю:

— Прошу прощения, много работы, больного уже повезли.

— А у кого её мало? Ждём.

И повесили трубку. Хамка.

Елки-палки. Со всех ног несусь в знакомую родную пятую палату.

— А я думал уже самому ковылять до поста, а там — на этаж с физиотерапией, — похоже, шутит Гуров, когда я в буквальном смысле слова врываюсь к нему. Мужчина пытается встать, но я жестом руки показываю, чтобы не двигался.

— Немного заработалась, а так — да, мы едем на седьмой этаж в кабинет ультразвукового исследования, — констатирую факт и подвожу к нему кресло для перевозки больных.

— То есть, сопровождать меня будете вы?

Я, кто же еще? Как будто он не знает.

— Если вы имеете что-то против, то вашу компанию может украсить Игорь Валерьевич, а я займусь своей основной работой, вместо того чтобы выполнять функции сиделки.

— Я же не специально... — звучит немного обиженно из уст пациента.

Честно, я не желала, чтобы из меня выходила подобного рода желчь, но так не люблю, когда в мой запланированный рабочий день вмешиваются.

— Вы про того молчаливого очкарика? — видимо, имеет в виду Давыдова. — Увольте.

— Чем он вам не угодил? — интересуюсь я. Как только помогаю больному приподняться, он осторожно присаживается в кресло.

— Наоборот. Спасибо ему, помог мне в нелёгком деле.

— Каком же? — отвлеченно спрашиваю, аккуратно одолевая дверной проем палаты.

— Право, неудобно мне об этом говорить, но с вами поделюсь...

Я везу его по длинному коридору: Олег Викторович сидит в кресле ко мне спиной. Видно, как одна нога вытянута вперед на подложке, вторая — свободно расположена рядом; поврежденная кисть одной руки согнута и зафиксирована бинтом возле груди.

Он что-то продолжает рассказывать, наверное, чтобы не возникала пауза между нами. Я стараюсь поддерживать разговор короткими фразами, не проявляя особого внимания. Ключевое слово «стараюсь». С Гуровым погрузиться в свои мысли и вести себя на рабочем месте как обычно, не получается.

В медкабинете Олег Викторович пытается расшевелить серьезный женский коллектив. Подобно мне они настороженно принимают его реплики и шуточки. После проведения своей работы, женщины все же посмеиваются, расслабляя обстановку. Мне единственной не до смеха. Я всякий раз дёргаюсь, по привычке тянусь на пост — рабочее место, которое пришлось покинуть не по своей воле. «Все нормально, Вера», — успокаиваю себя, вспоминая о том, что сейчас там Давыдов. Главное, чтобы он не напортачил и не навёл свои порядки. Терпеть этого не могу.

Записав результаты исследования, и вложив их в историю болезни, нас отправляют обратно в наше отделение, поскольку сустав ещё недостаточно зажил для проведения физиопроцедур. Значит, я не провожусь с данным пациентом весь день, что немного радует. Мысленно, одной ногой я уже стою у поста на своем привычном месте.

— Чувствую себя инвалидом, — говорит мне с долей досады Гуров, пока мы спускаемся в лифте на третий этаж хирургии.

— Это временно, и никакой вы не инвалид. Вам ещё повезло, что не все так плачевно. Могло закончиться и хуже.

— Вы правы, но все равно, оказаться здесь в мои планы не входило, тем более с травмами, которые требуют времени, чтобы сойти на нет. А времени у меня на болячки, к сожалению, не так много.

Мы выходим из лифта, и я молчу, перевариваю его слова.

Похоже, человек живёт жизнью с яркими событиями. У него куча дел, ему некогда скучать, дни насыщены постоянными поездками и командировками.

— Так хочется на свежий воздух, — вдруг говорит он, пока я везу его по коридору обратно в палату и размышляю о его жизни. — Надоели эти чёртовы стены.

— Ничего не поделаешь, вам придётся здесь на какое-то время задержаться, — поддерживаю его в разговоре, доставляя в палату кресло, в котором он сидит.

— Везите меня прямо в ванную комнату.

Я так и делаю, не задавая ему лишних вопросов.

— Если, понадобится моя помощь, вот, — протягиваю ему пульт для вызова и собираюсь развернуться, чтобы уйти, как прикосновение руки Олега останавливает меня.

— Вера... Николаевна, — добавляет он, когда я смотрю на него с удивлением. Он не решается перейти на «ты», и вряд ли подобное произойдёт здесь, в стенах этого медицинского заведения. — Оставайтесь, пожалуйста.

Мой вопросительный взгляд вызывает на его лице недоумение.

— Что у вас за ранка на щеке? — только сейчас замечаю глубокую царапину, вглядываясь в него. Весь день избегала будоражащего голубоглазого взгляда, а тут не удержалась.

— Ах, это, — машет он рукой, будто какой-то пустяк, — пытался побриться утром...

— Могли бы попросить кого-нибудь из персонала о помощи.

— Поможете мне? Я правша, — дергает плечом перебинтованной руки, — и левая рука ленится. Вдруг порежусь и истеку кровью. Зачем вам лишние хлопоты?

Неужели он хочет попросить меня о...

Вот же хитрец этот Олег Гуров. И смешно и не очень.

— Ну, кровью вы вряд ли истечете, как сами говорите, а вот с бритвой шутить на самом деле не стоит. Показывайте, где она лежит.

Косметичка покоится на столике перед зеркалом, и Гуров передаёт её мне в руки.

Стоп. Косметичка, в которой находятся мужские принадлежности? И как она туда попала? Значит, кто-то побывал у него из посетителей.

— Не уверена, что сделаю как надо, — открываю ее, чтобы достать пену и саму бритву.

Мои руки слегка дрожат, а надо бы успокоиться. Находясь на близком с ним расстоянии, я вдыхаю тонкий аромат его одеколона или крема после бритья. Выдавливаю на свои ладони приятную на ощупь пену и прикасаюсь легонько к щекам больного, размазывая ее по щетинистым скулам. Гуров закрывает глаза, поддаваясь моей ласке. Он дурманит. Запах. А, возможно, и сам Гуров. Скулы его мужественные, шея крепкая, и глаза цвета лазурного моря изредка наблюдают за мной. Чуть наклонившись к нему, я провожу станком по щетинистому подбородку.

— Просто водите бритвенным станком туда-сюда и не бойтесь прикоснуться другой рукой к моей щеке. У вас отлично получается, — говорит сердцеед с ликованием в голосе и улыбкой на губах.

А мне тем временем стыдно, несмотря на то, что увлечена столь для меня интимным действием при тесном с ним контакте. Человек едва мне знаком, а я прикасаюсь к нему так, как прикасалась когда-то к Глебу. Помогаю Гурову избавиться от колкой щетины, когда это не так важно, как, например, чистка зубов или принятие душа. Ну, подумаешь, походил бы неделю-другую небритым. Не конец света. Не умер бы. И я бы сейчас не занималась тем, чем не должна была заниматься вовсе.

— Что с вами? — спрашивает он, когда я заканчиваю бритье и споласкиваю под водой руки. — Я перегнул с просьбой?

— Все нормально, — вытираю полотенцем насухо, — надеюсь, теперь вы чувствуете себя более комфортно?

— Без сомнения.

— Я рада.

— Постойте, — вновь останавливает он, когда я намереваюсь выбраться из этого места. На сегодня Гурова с его дурманиющей близостью достаточно. — Спасибо.

— Будьте здоровы.

— Я так понимаю, Вера Николаевна, что спустя несколько часов — конец вашего рабочего дня?

Стоя к нему вполоборота, я гляжу на мужчину через плечо и просто киваю головой в ответ. Гладковыбритый Гуров — это не тот Гуров, которого я впервые увидела. Теперь он выглядит моложе, но кучерявые волосы на голове находятся все в том же хаосе. Глаза те же и также блестят. Лишь уголки его рта опущены в огорчении.

Держусь за ручку двери, чтобы в любой момент открыть ее и сбежать от Олега наряду с мыслями о нем.

— Что ж, я буду скучать, — доносится до меня его чуть хрипловатый голос.

— Уверяю, скучать вам долго не придётся, — говорю ему, выходя из палаты.

Следующим вечером меня ожидает ночное дежурство, и дай Бог провести его спокойно, подальше от этой комнаты и её пациента. Иначе... Иначе, он полностью завладеет моим воображением и мыслями. И следующий орган, который попадет под его удар, будет мое сердце.

Гуров больше не беспокоит. Как ни странно. Олег Викторович как будто чувствует мое настроение и не дергает по всяким мелочам, как делал раньше. Вопрос: беспокоит ли теперь это меня? Особенно после того, как на следующий день на посту обнаруживаю букет цветов, с прикрепленной к нему карточкой, на которой написано аккуратным почерком: «Вы говорили, что мне не придётся долго скучать. Как бы не так: прошлая ночь оказалась длинной и невыносимой, а нынешний день — серым и тоскливым без вас. Доброго вечера, Вера».

Отпустить себя

Денек сегодня выдается по-настоящему зимним, и это радует. Пользуясь моментом, я гуляю со Снежком в нашем с ним излюбленном месте — парке, где установлена огромная, пышная елка, наряженная в различные модные украшения и гирлянды. Здесь замечательно: днем детишки водят хороводы, вечером — прогуливающиеся парочки фотографируются, наслаждаясь обществом друг друга. И снег... В этом году его столько много, что, кажется, наиграться им и налюбоваться чудом природы хватит всем. Всякий раз мое внимание привлекает неподалеку расположенный каток, где вечером, а иногда и поздней ночью, красиво катается на коньках девушка. Не знаю, настоящая ли она фигуристка или любительница, но вырисовывает круги и линии профессионально и умело. Каждый раз засматриваюсь, погружаясь в ее талантливое исполнение танца.

— Снежок, лови! — бросаю собаке небольшой шарик, слепленный из снега. Пес послушно повторяет траекторию полета снежка, быстро перебирая лапами по ослепительно-белым крупцам. Когда он настигает приземлившийся ком, продолжает игру, катая шарик носом и подбивая лапкой. Я стою и наблюдаю за его ребячеством, пока снежинки медленно кружатся, напоминая о жизни: она есть и продолжается, пусть даже в таком, казалось бы, обыкновенном счастье.

Не перестаю благодарить судьбу за встречу с этим чудесным мохнатым четвероногим другом. На данный момент он для меня все. Раньше я хотела быстрее убежать с работы домой, чтобы побыть в одиночестве, скрыться от всех и забыть бесконечные больничные будни. Теперь же лечу к нему на крыльях домой, к своему Снежку. Знаю, что поступаю и продолжаю поступать не лучшим образом, скрывая находку. Возможно, собаку оплакивают, думая, что она погибла, когда на самом деле жива, только находится далеко от дома. Успокаивает одно: Снежок прибил к мне, постоянно рядом, ни разу не укусил, не облаял, не убежал, и гуляю я с ним всегда без поводка, доверяя его выбору. А если он не помнит своего настоящего хозяина? Или не хочет к нему возвращаться? Все может быть.

В последнее время я иду на работу с ощущением легкости и окрыления. Думаю, здесь не стоит долго объяснять, почему. Причина всему Олег Викторович. Тот самый Олег Викторович, которого несколько дней назад я старалась избегать. Противостоять его обаянию, доброте, порядочности оказалось невозможным. И все это не после подаренного им букета, принесенного курьером из местного цветочного магазина. Я и раньше получала цветы, пусть в последний раз это была давно. На день медика, кажется. Здесь совсем другой случай и повод совершенно иной. Я ничего особенного для Гурова не делаю, всего лишь помогаю ему, как и остальным своим пациентам, вернуться к нормальной полноценной жизни. Он влияет на меня по-особенному, я это чувствую. Заставляет улыбаться и желать видеть его чаще обычного. Я все равно ничего не знаю о нем, да и не должна ничего знать, кроме эпикриза и методики лечения, но каждый раз, думая о том, что он может мне нравиться, я вздыхаю. Больно. Будет больно, когда мы распрощаемся. Лучше в день его выписки не быть на работе и не попадаться на глаза. Нелегко будет сказать «до свидания, Олег Викторович, всего вам хорошего», так же как попрощаться со Снежком. Как бы там ни было, мои счастливые дни в их обществе сочтены.

Пока пес резвится в сугробах снега, я отвлечена воспоминаниями о вчерашнем препровождении в компании одного пациента. Сажу на скамейке в скверике, и улыбка на моих губах не сходит вот уже полчаса прогулки.

«— У вас, должно быть, амнезия, Олег Викторович. Вы забыли принять таблетки, — заходя к нему в палату, я замечаю, что лекарства, выданные в обеденное время, лежат не тронутыми.

— Вы же медик, Вера Николаевна, должны знать определение этого термина.

— Тогда, как вас заставить их вовремя выпить?

— Навещайте меня чаще.

— Чаще уже некуда, простите.

— Ваше ежеминутное присутствие будет напоминать мне о вас, как об одной прекрасной медсестре этой больницы, и заодно о таблетках... — Он тихонько посмеивается.

— Я же говорю, у вас амнезия, — поддерживаю его смех.

— Наоборот, — Гуров перестает смеяться и становится серьезным. — Я всегда буду помнить.

— Что именно?

— Вас, ваши глаза, ваши губы, вашу улыбку, волосы и цветочный аромат, который, всякий раз, когда вы находитесь вблизи меня, я ловлю своим обонянием. А ещё никогда не забуду вашу доброту.

— Я не особенно добра с вами, если вы заметили.

— Просто отпустите себя и почувствуете иное.

— Мое... мое дело выдать вам пилюли и проконтролировать, чтобы вы их приняли вовремя.

— Не о пилюлях речь, вы же знаете».

— Вера, ну что? — спрашивает с поста Ира, которая прилипла ко мне, словно банный лист с просьбой сходить в ночное заведение после работы.

— Ир, нет, нет и нет, — говорю ей, погруженная в медицинские записи.

Так, вот это бы не забыть, — напоминаю себе, копошась в многочисленных бумажках. Сейчас «идём» с Гуровым на физиопроцедуры, и я вновь выступаю в роли сопровождающей. Смерилась с этим. Привыкла к своеобразному общению с ним, на выходных даже скучаю. Ну вот опять я о нем. Не прилипнуть бы сильно, иначе скучать придётся дольше обычного.

—... обещает быть интересной, — коллега не собирается сдаваться. — У меня как раз два билета.

— Жанке предложи или Оле, — даю понять, что никуда не иду.

— Ты же знаешь, что первой в ночь, вторая — уехала на два дня к родным. А вечеринка сегодня.

— Сходи с парнем.

— У меня его нет, — цокает она языком.

— Значит, найди, — продолжаю перебирать папки в поисках необходимых мне записей. Иванова не выдерживает моего игнора и забирает папки из моих рук.

— Вера! Попробуй, найди за полдня. Это нереально, — произносит обиженно.

— Хорошего, да, — почему-то смотрю на Олега Викторовича, который, сидя в кресле, ждёт меня к отправке с ним на этаж выше.

На мгновение представляю нас как пару, прогуливающуюся по улочкам сказочного зимнего города, или сидящую за столиком в тихом спокойном заведении, пробующих на вкус горячий шоколад с пряниками. Музыка слишком тихая, едва доносится до нашего слуха, в кафе не много посетителей, а он держит меня за руку, слегка поглаживая пальцем ладонь. Я прячу от смущения глаза, но мне нравится, как щекотно он прикасается ко мне.

— Вера Николаевна, зря вы отказываетесь, — шевелятся его губы, и доносится голос, рассеивая в реальности приятную картинку.

— А? — я теряюсь под его гипнозом.

— Сходите и развейтесь, в конце концов. Ирина Валерьевна дело говорит.

— Спасибо за совет, — улыбаюсь ему, а Ирке говорю, что разговор о ночных походах закрыт.

Когда мы оказываемся на нужном для нас этаже, а затем в кабинете, я жду окончания сеанса физиотерапии в отдельном помещении для медсестер. Общаюсь и пью чай с девочками из этого отделения. Они делятся своими рассказами обо всем и ни о чем, а я машинально киваю головой, будто их слушаю, когда сама погружена в мысли о человеке, который находится за стенкой. Чем чаще я провожу время в его компании, тем больше я хочу знать *его*, знать *о нем*, и о том, что же случилось.

Спустя пару дней Олегу Викторовичу разрешат наступать на поврежденную ногу и делать соответствующие упражнения для её восстановления. То же самое касается кисти руки. Правда, она не полностью восстановится, когда его выпишут. Придется длительное время ходить с фиксирующим бандажом, но ничего. Чуть позже и рука придёт в норму.

— Вы чем-то обеспокоены? — спрашивает меня Гуров по возвращении в палату после процедур.

— Просто устала и все, — нагло вру ему, но что поделать.

Мужчина осторожно встаёт с кресла и самостоятельно садится на кровать.

— Так есть же повод, сходить с подругой в ночной клуб. Куда вас там зовут?

— Она мне не подруга.

— Тогда пусть станет ею. Быть настолько прекрасной и заботливой, и в то же время одинокой... Это не про вас, Вера Николаевна.

— А если не получается? Если не могу?

— Не можете что?

— Не могу отпустить себя, как вы бы того хотели.

Его глаза пристально меня изучают. Ждут, что, возможно, я продолжу или поделюсь с ним тем, что хранится в моей душе. Но я не успеваю. Айфон Гурова, который покоится на тумбочке неподалеку, издаёт мелодию. Глаза тут же находят предмет, из которого доносится приятный симфонический рингтон. Он расходится вибрациями в воздухе и током отдается по моему телу, потому что на экране телефона высвечивается фотография контакта. Мое внимание не столько привлекает образ девушки брюнетки, сколько изображение собаки, слишком напоминающее Снежка. Зрение успевает зафиксировать имя абонента — Лора, чей звонок действует на меня критически.

— Вера, — Гуров впервые обращается ко мне по имени, — подайте, пожалуйста, если вам не трудно.

— Нет. Конечно же, нетрудно, — не отрывая взгляда от экрана, я беру в руку вибрирующий телефон и передаю Олегу Викторовичу, который больше не смотрит на меня и теперь полностью сконцентрирован на некой Лоре.

— Да, Лора, — отвечает он на звонок, пока перебираю ногами к выходу из помещения, где минуту назад собиралась задержаться, чтобы...

Идиотка наивная. У него есть Лора, а я лечащая медсестра, которую завтра он забудет.

Я дёргаю ручку двери и следующие слова, которые произносит Гуров своей собеседнице, лишний раз перечеркивают мою последнюю н

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.